

Таким образом, события августа 1961 года продемонстрировали готовность американской администрации смириться с существованием двух Германий. И эта готовность обнаруживалась не только в отказе США воспрепятствовать сооружению стены, но и в стремлении дистанцироваться от позиций официального Бонна. Так, на практике в США подошли к тому, что в 1959 году бывший госсекретарь Д. Даллес назвал "теорией агентов". Если раскол Германии приобрел характер окончательного воплощения, США расценили действия ГДР 13 августа как стремление утвердить себя в роли политического субъекта. В контексте "безусловной политики поддержки" Бонна и толерантного отношения к ГДР, Восточный Берлин стал гамбитом в партии между США и СССР.

- [1] U.S. Department of State. Documents on Germany, 1944-1985. Revised edition. Washington, 1986
- Documents on Berlin 1943-1963. Sel. And ed. By Heideimeyer W., Hindrichs G.-Munchen: Oldenbourg, 1963; Selected Documents on Germany and the Question of Berlin. 1944-1961.-London. Her Majesty's Stationery Office. 1961.
- [2] Khrushchev's secret speech on the Berlin crisis, August 1961// www.cvihp.si.edu
- [3] Documents on Germany.1944-1985.-Revised edition. Washington, 1986-P.774
- [4] Ibid.P.-774
- [5] Foreign Relations of the United States (FRUS), 1961-1962. Vol. XIV.-Washington, 1993.-P. 191-192
- [6] Catudal H. Kennedy and the Berlin Wall crisis.-Berlin,1980.-P.187
- [7] FRUS, 1961-1962, vol. XIV.-P. 228
- [8] Sorensen T. Kennedy.- New York, 1965.-P.669
- [9] FRUS, 1961-1962, vol. XIV.-P. 227
- [10] M. Beschloss.-The crisis years: Kennedy and Khrushchev, 1960-1963.-N.Y., 1991.-P.269
- [11] FRUS, 1961-1962, vol.XIV-P.352
- [12] Ibid.-P.776
- [13] Ibid-P.725
- [14] Nitze P. From Hiroshima to Glasnost. At the center of decision.-New York, 1989.-P.198
- [15] Ibid.-P. 331
- [16] McDermott G. Berlin : success of a mission? -New York,1963.-P.33
- [17] См.: Д. Бейли, С. Кондрашев, Д. Мерфи. Поле битвы Берлин. ЦРУ против КГБ в «холодной войне».-М.,2000
- [18] Harrison H. Ulbricht and the concrete "Rose": New archival evidence on the dynamics of Soviet-East German relations and the Berlin crisis, 1958-1961// Cold War International History Project. Working paper #5.-May, 1993
- [19] FRUS, 1961-1962, vol. XIV.-P 345
- [20] Ibid, footnote.-P.379

ПОЛИТИКА США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ И СССР ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ В 1953 Г.

В.П.Сюк

г. Минск, БГПУ имени Максима Танка

В начале 50-х годов разрядка международной напряженности имела мало шансов на успех. В конце 1952 г. США окончательно утвердили свое положение в качестве лидера западного мира. Великобритания перешла в категорию младших партнеров, утратив самостоятельность своей политики в отношении СССР. С конца 1950- начала 1951 гг. советское руководство стало воспринимать Атлантический блок в значительно большей степени как военную угрозу национальной безопасности СССР и его союзников.

К началу 1953 г. Запад и Восток подошли с «замороженными» позициями по германскому вопросу и с нагнетанием конфронтации двух государств на территории

Германии. ФРГ стояла на пороге ремилитаризации и включения в военную группировку Запада. ГДР закрыла свои границы с западногерманским государством и встала перед необходимостью создания национальных вооруженных сил.

Занимая единую позицию по основным направлениям европейской политики, США, Великобритания и Франция имели разногласия по методам и формам ее проведения. Все это выразилось в борьбе вокруг ратификации договора о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС), подписанном в Париже 27 мая 1952 года. Договор открывал путь для перевооружения Германии.

США, добившись публичной поддержки английского правительства в деле скорейшего создания ЕОС, примирились с отказом Великобритании вступить в данное сообщество. Американская позиция в этом случае определялась тем, что, по мнению правящих кругов США, «более активное участие Англии в делах континентальной Европы могло бы создать осложнения для американской политики и привести к новым источникам разногласий между двумя союзниками» [22,200].

Французское правительство считало, что «первооружение объединенной Германии представляло в данное время такое мероприятие, которое заключало в себе больше опасности, чем преимуществ» [1,9]. Французы опасались полностью перевооруженной Германии и не хотели жертвовать своей национальной обороноспособностью ради интегрированной оборонной системы Запада, включающей в себя ФРГ.

Что же касается позиции западногерманского правительства, то Бони полностью поддерживала линию руководства США в германском вопросе. Федеральный канцлер К. Аденауэр отдавал предпочтение западноевропейской интеграции. Он считал необходимым сначала осуществить объединение западноевропейских стран и ратификацию договора о ЕОС [4,112] для того, чтобы впоследствии превратить Федеративную Республику из объекта в субъект международных отношений [5,110].

Для СССР одним из «худших сценариев» был следующий: западногерманские реваншистские круги постараются вернуть себе утраченные земли на востоке и при этом спровоцируют конфликт между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В связи с этим советская сторона прилагала все усилия, чтобы сорвать или хотя бы затормозить планы западных держав по созданию европейской армии и возрождению германского милитаризма. Однако Москва не обладала какими-либо возможностями серьезного воздействия на процесс ремилитаризации ФРГ. И советскому руководству оставалось лишь поддерживать Францию в надежде, что парламент этой страны не ратифицирует договор о создании ЕОС, и осуждать политику западных держав и Бонна.

Требование об ускорении ратификации боннских (26 мая 1952 г.) и парижских (27 мая 1952 г.) соглашений было выдвинуто как в послании нового президента США Д. Эйзенхауэра конгрессу «О положении страны» от 2 февраля 1953 г., так и, в еще более резкой форме, при переговорах государственного секретаря Д.Ф. Даллеса с правительствами западноевропейских стран 31 января-9 февраля того же года. Выступая 27 января 1953 г. по радио, Даллес напомнил, что после войны США вложили в Западную Европу 30 миллиардов долларов. Если же выяснится, что Франция и ФРГ пойдут собственными дорогами, то окажется необходимым пересмотреть американскую внешнюю политику и ее связи с Западной Европой. Далее государственный секретарь добавил, что если до 1 апреля 1953г. не обнаружится заметных признаков ратификации, конгресс США резко сократит программу иностранной помощи [1,14]. Правительство Эйзенхауэра в переговорах с западноевропейскими странами выдвинуло тезис о том, что вступление боннских и парижских договоров в силу является «необходимой предпосылкой» объединения Германии.

11 февраля 1953 г. французское правительство представило так называемые «дополнительные протоколы» к парижскому договору, которые предусматривали изменение отдельных статей этого документа в пользу Франции. Однако это не принесло успеха французской дипломатии, а американское руководство продолжало оказывать давление на своих западных союзников.

В коммюнике о встрече Даллеса и Идена 4 — 8 марта 1953 г. в Вашингтоне говорилось, что американское и английское правительства «заинтересованы в том, чтобы договор (о создании ЕОС) был ратифицирован как можно скорее» [23]. В сообщении о пребывании в США премьер-министра Франции Рэне Майера 26 — 28 марта того же года подчеркивалось, что ЕОС должно быть создано с наименьшим промедлением. Наконец, 9 апреля в заявлении о поездке К.Аденауэра в США отмечалось, что «единство Европы должно поощряться быстрой ратификацией договора о ЕОС» [20, 139]. Политика США стала сочетать «демократическую» тактику с жестким курсом на ремилитаризацию.

Важным событием, повлиявшим на международные отношения в целом, явилась смерть главы советского государства. 5 марта 1953 г. СССР лишился своего символа — И.В. Сталина, с которым связывалось превращение его в сверхдержаву.

К весне 1953 г. во взаимоотношениях Советского Союза и Соединенных Штатов господствовали недоверие и страх. В США были убеждены, что Советский Союз не отказался от планов распространения своей социально-политической системы на весь мир. Что же касается советской стороны, то здесь проявляла себя неспособность предрезать анализировать политическую систему западного мира. С конца 1950 г. усилились опасения по поводу возможной новой мировой войны с Америкой [15, 72].

Как отмечал Хрущев в своих мемуарах, преемники Сталина были встревожены, не воспользуется ли Запад его смертью для того, чтобы вступить в прямой конфликт с коммунистическим миром [21, 392 — 394].

В свою очередь западные державы рассчитывали на изменения во внешней политике Советского Союза в выгодном для себя направлении. Они надеялись, что борьба за власть в советском руководстве ослабит международные позиции СССР и позволит добиться от Москвы определенных уступок по ключевым проблемам международных отношений, одной из которых являлся германский вопрос [14, 133].

В начале постсталинского периода новое советское руководство вынуждено было заняться пересмотром внешней политики СССР. Это было необходимо для того, чтобы в обстановке набравшей обороты холодной войны попытаться ослабить напряженность с западным миром.

Инициатором изменений советской внешней политики в целом, и в германском вопросе, в частности, выступил новый лидер КПСС Н.С. Хрущев (с сентября 1953 г. — первый секретарь ЦК КПСС). По существу, до октября 1954 г. Хрущев не играл активной роли в международных делах, которые в этот период курировали председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков и министр иностранных дел СССР В.М. Молотов. 16 марта 1953 г. Маленков призвал западные державы к переговорам, не конкретизируя их содержание.

23 апреля 1953 г. заместители министра иностранных дел СССР Я.Малик и Г.Пушкин в записке В.М.Молотову указывали на «целесообразность выработки советской стороной плана дальнейших мероприятий по германскому вопросу» [2, 8]. Данный план включал три предложения: 1) по образованию парламентами ГДР и ФРГ Временного общегерманского правительства; 2) по укреплению внутреннего положения и внешних позиций ГДР; 3) по срыву или хотя бы замедлению реализации ремилитаризации ФРГ в рамках Европейского оборонительного сообщества.

Западные державы по-разному восприняли начало подвижек в советской внешней политике. Новая администрация Эйзенхауэра была столь же осторожна в своих предложениях по поводу переговоров с Советами, как и Советы в отношении своих уступок американцам [11, 455]. Президент США считал, что в настоящее время встреча великих держав на высшем уровне помешала бы консолидации Запада — настало время не слов, а дел. Французский министр иностранных дел Ж.Бидо говорил об остающихся больших сомнениях в отношении советской внешней политики, и подчеркивал необходимость продолжения западных оборонительных усилий.

У Черчилля был не согласен с позициями США и Франции, и полагал, что открылись возможности позитивных сдвигов в отношениях Восток — Запад. Он и

раньше неоднократно заявлял о том, что «единственным спасением для человечества является только тесное сотрудничество СССР, США и Англии» [3,170].

Однако британский премьер-министр отдавал себе отчет в том, что зависимость его страны от США не позволяла ему проводить самостоятельные инициативы в тех вопросах, по которым позиция Вашингтона была жесткой. В подобной ситуации он попытался найти выход из тупика и положить конец холодной войне. 11 мая 1953 г., выступая в палате общин, Черчилль высказался за созыв конференции («большой тройки») в духе Ялты и Потсдама и выдвинул идею заключения некоего подобия нового Локарнского договора для Центральной Европы [10,173]. Однако его попытки оказались безуспешными в силу ряда причин. Во-первых, он не смог убедить американского президента Эйзенхауэра, западногерманского канцлера Аденауэра и французских руководителей, как, впрочем, и членов своего собственного кабинета, что время для такого рода попыток созрело. Канцлер ФРГ опасался, что великие державы могут достигнуть соглашения по германской проблеме за спиной федерального правительства и до ратификации боннского и парижского договоров. Во время визита в Лондон 14 — 15 мая 1953 г., а также в ходе переговоров с американским правительством Аденауэр выступил против идеи Черчилля. Опасаясь англоамериканского сговора и изоляции Франции, французский премьер-министр Майер предложил Эйзенхауэру 20 мая 1953 г. провести совещание глав правительств трех западных держав и обсудить возможность встречи в верхах с участием СССР. Американская газета «New York Herald Tribune» 14 мая 1953 г. по этому поводу писала: «Если действительно должны быть переговоры о германском мирном договоре, то запрещит по всем швам фундамент западной стратегии». Приносить на алтарь свою европейскую политику в германском вопросе (в частности, создание Европейского оборонительного сообщества, которое позволило бы ФРГ перевооружиться как части объединенных вооруженных сил Запада) США не собирались. Во-вторых, в Москве еще не было прочно укрепившегося нового руководства. С другой стороны, ответы, приходившие от Молотова Черчиллю показывали, что и в Кремле не считали момент для созыва такой конференции подходящим. Хотя Молотов и выступал за более гибкую политику, которую пытался проводить примерно с апреля 1953 г., разработки МИДа по германскому вопросу характеризовались стремлением не захлопывать окончательно дверь перед перспективой переговоров великих держав.

Российский исследователь советской политики по германскому вопросу Ф.И.Новик в своей монографии «Оттепель» и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953 — 1955 гг.)» отмечает, что «в период после смерти И.В.Сталина и до 17 июня 1953 г. МИДом СССР проводилась кропотливая работа по ревизии оставленного предшественниками наследства в германском вопросе». В эти три месяца обозначился определенный поворот в германской политике Советского Союза и началась «оттепель», которая была резко прервана июньскими событиями в ГДР [12,51].

16 июня 1953 г. строительные рабочие в Восточном Берлине вышли на демонстрацию. Требования митингующих касались экономических проблем (отмены повышения производственных норм, снижения цен, улучшения положения с жильем и т.п.). На следующий день протесты переросли во всеобщее волнение в восточном секторе Берлина и других городах восточной зоны. Режим правительства ГДР оказался в настолько тяжелом положении, что ему потребовалась помощь — советские войска.

Эскалации конфликта содействовал ряд факторов. Во-первых, американская радиостанция РИАС постоянно повторяла объявление о начале всеобщей забастовки. Во-вторых, нельзя отрицать тот факт, что среди арестованных «защитников беспорядков» находились лица, прибывшие из Западного Берлина. В-третьих, бездействие со стороны руководства ГДР. Но прежде всего, необходимо отметить, что событиям июня 1953 г. предшествовал тяжелый кризис, которым было охвачено восточногерманское государство.

Как указывает в своей статье «США и события 17 июня 1953 г. в ГДР» известный исследователь американской политики по германскому вопросу К.Остерманн, «восстание в Восточной Германии фактически дало администрации Эйзенхауэра веский аргумент против черчиллевской инициативы саммита» [8,54].

26 июня 1953 г. Эйзенхауэр одобрил «Временный план психологической стратегии США по использованию волнений в европейских государствах-сателлитах» (PSB D-45), разработанный Управлением психологической стратегии. Центральное место в американском стратегическом плане заняла программа раздачи продовольственных наборов жителям ГДР. Данная акция существенно способствовала победе Аденауэра на сентябрьских выборах 1953 г. [7,32], ибо ему «приписывалась» заслуга авторства данной программы.

Первоначально руководство Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) недооценило эффект акции, ограничившись действиями пропагандистского характера. Однако меры, принятые СЕПГ с 9 июня 1953 г. по реализации «нового курса» в ГДР, постепенно положительно сказывались на экономическом положении в стране. СССР обязался поддерживать спасенную им «верхушку», а восстание и его подавление лишь усилили довод в пользу сохранения хотя бы того, что он имел. Был взят курс на дальнейшую интеграцию ГДР в формирующийся блок под эгидой СССР. Кроме того, советское руководство убедилось в том, что необходимо отказаться от прямого материального использования ресурсов ГДР и политики опеки своего партнера по блоку.

Выводы из июньских событий в ГДР для США были сформулированы летом 1953 г. во внешнеполитическом проекте государственного департамента «Солзрий» [17,226 — 227], где говорилось о том, что «тайные операции» будут по-прежнему являться составной частью американской внешней политики, но ни о каком «отбрасывании коммунизма» не может быть и речи.

В официальных оценках советской пропаганды события июня 1953 г. в ГДР инспирировались «агентами боннского режима», «империалистическими и фашистскими силами», «иностранными наймитами». В закрытой информации ошибочная политика руководства Восточной Германией признавалась основной причиной народного восстания летом 1953 г. [16,153]. Но при этом умалчивалось, что деятельностью правящих кругов ГДР руководила Москва.

События 17 июня 1953 г. оживили дипломатию, с одной стороны, Вашингтон — Бонн, с другой — Восток — Запад. Теперь инициативу перехватили западные державы. Они спешили использовать «слабость» противника, чтобы либо заставить его полностью сдать позиции, либо извлечь соответствующий «пропагандистский капитал».

Подготовленная встреча трех западных держав на Бермудских островах несколько раз откладывалась: сперва по причине отставки французского правительства и возможности сформировать новый кабинет, а затем из-за болезни Черчилля.

Но все же совещание министров иностранных дел США, Великобритании и Франции, результатом которого явилась нота трех правительств Советскому Союзу от 15 июля, состоялась в Вашингтоне (10 — 14 июля 1953 г.). Западные союзники обсудили свои позиции и возможные шаги по германскому вопросу и выразили согласие на созыв совещания министров иностранных дел четырех держав. По решению вашингтонской конференции была создана экспертная группа трех западных государств, задачей которой являлась разработка совместных позиций относительно германской политики для будущего совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции в Берлине.

4 и 15 августа 1953 г. советское правительство обратилось с ответными нотами к трем западным державам. В частности, нота от 15 августа [13] возлагала на Запад ответственность за тупик в деле проведения переговоров о заключении мирного договора с Германией и об объединении страны. Советское правительство предлагало в течение шести месяцев созвать мирную конференцию.

Началась нотная переписка между СССР и западными державами. В результате до конца 1953 г. стороны обменялись десятью нотами. После того, как советское правительство в ноте от 26 ноября 1953 г. отказалось от участия в совещании министров иностранных дел (СМИД) из-за неприятия Западом таких условий, как включение в число его участников коммунистического Китая, внешнеполитические ведомства Франции и Великобритании настояли на его проведении (до встречи глав правительств) с целью обсуждения, в первую очередь, германской проблемы. Реальные сроки начала работы СМИД были оговорены январем — февралем 1954 г.

В лагере атлантических союзников также не было единства. Франция сконцентрировалась на политике против Германии. Великобритания хотела бы сохранить равновесие в Европе, а ФРГ — быть на стороне сильного союзника, т.е. США.

В начале декабря 1953 г. на Бермудских островах состоялась некогда отложенная встреча глав правительств западных держав [19]. США и Великобритания продолжали оказывать нажим на Францию в вопросе ратификации договора о ЕОС. Но между Черчиллем и Эйзенхауэром не было понимания относительно взаимоотношений с СССР. Британский премьер-министр предлагал проведение двойственного курса: с одной стороны, с позиций силы, с другой — поиски компромиссов [6,15]. Американский президент заявил, что не разделяет убежденности Черчилля в том, будто бы в советской политике наметились новые подходы [18,683]. Единственно реальными представлялись изменения в методах, которые все так же были направлены на ослабление Запада.

При всех своих разногласиях западные державы были единодушны в стремлении добиваться решения германской проблемы в их собственных интересах. А то обстоятельство, что эти интересы были противоречивы, привело лишь к несогласию по отдельным вопросам, особенно между США и Великобританией, с одной стороны, и Францией — с другой.

Таким образом, как США, так и СССР настороженно относились к предложениям друг друга. Кремль боялся уступить Восточную Германию Западу, так как это означало разрыв орбиты спутников. В противном случае нечего было и говорить об истинном ослаблении напряженности. США были озабочены тем, что начало переговоров по Германии взорвет НАТО изнутри и, по существу, в обмен на союз они получат конфронтацию, потому что в начале 50-х годов сталинское руководство продолжало воспринимать Североатлантический блок главным образом сквозь призму милитаризации западногерманского государства и вовлечения его в западный блок. Смерть Сталина в марте 1953 г. была водоразделом, открывшим ранее просто не существовавшие возможности для созидательной дипломатии.

Советская политика в отношении Германии в 1953 г. переоценивалась дважды: в марте — апреле, а затем в июне — июле. Если первые качественные изменения связаны с переходом от «парализма» позднесталинского периода к попытке компромиссного решения германского вопроса на основе предварительной глубокой трансформации режима в ГДР, то вторые — с движением вспять, к концепции двух Германий, и к безоговорочной поддержке Восточной Германии [9,133].

Что же касается Запада, то смерть Сталина застала западные державы врасплох, последовавшая реакция оказалась «неопределенно-колеблющейся». США скептически отнеслись к советским мирным инициативам, так как считали, что данные действия направлены на срыв ратификации договора о ЕОС и западной интеграции ФРГ. А это, в свою очередь, в 1953 г. являлось приоритетной задачей западных правительств. Недоверие к намерениям Москвы было очень глубоким. Поэтому «новый курс» в ГДР в начале июня 1953 г. интерпретировался американцами как мероприятие тактического, а не стратегического характера. Вторая половина 1953 г. для Запада связана с окончательным переходом к политике существования двух германских государств и дальнейшей поддержкой Федеративной Республики.

В 1953 г. не оказалось достаточных условий для решения германской проблемы. После смерти Сталина концепция («либерализации») германской политики была отвергнута. Запад проявил явную неготовность предпринять подобии к советским попыткам сдвинуть с мертвой точки вопрос о достижении единства Германии и хотя бы прозондировать серьезность предложений и намерений руководства Советского Союза. К тому же идеологизация и двойные стандарты были в одинаковой степени присущи как политике СССР, так и западных держав. Комбинация этих факторов привела к тому, что в 1953 г. была упущена возможность, если не разрешить, то хотя бы изменить ситуацию в германском вопросе.

1. Архив внешней политики РФ. Ф.082. Оп. 41. П.271. Д. 18.

2. АВП РФ. Ф.082. Оп. 41. П.271. Д. 19.

3. АВП РФ. Ф.059. Оп. 10. П.8. Д. 64.

4. Аденауэр К. Воспоминания (1953 — 1955). В 2-х вып. Вып. I. М., 1968.

5. Актуальные проблемы ФРГ. М., 1990.

6. Американский ежегодник. 1993. М., 1993.
7. Брандт В. Воспоминания. М., 1991.
8. Вопросы истории, 1999, № 11 — 12.
9. Вопросы истории, 2000, № 7.
10. История внешней политики СССР. Т.2. 1945 — 1985. М., 1986.
11. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
12. Новик Ф.И. «Оттепель» и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953 — 1955 гг.). М., 2001.
13. Правда. 1953. 17 августа.
14. Славянский мир и славянские культуры в Европе и мире: место и значимость в развитии цивилизации и культур (история, уроки, опыт, современность). Материалы международной научно-теоретической конференции. 31 октября — 1 ноября 2002 г. В 2-х частях. Ч.2. Витебск, 2002.
15. Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999.
16. Филатов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993.
17. Churchill W. Triumph and Tragedy. Boston, 1953.
18. Colville I. The Fringes of Power: 10 Downing Street Diaries 1939 — 1955. London, 1985.
19. Daily Telegraph. 1953. 9 December.
20. Documents on Germany. 1944 — 1961. Committee on Foreign Relations U.S. Senate. Washington, 1961.
21. Khrushchev N.S. Khrushchev Remembers With an Introduction Commentary and Notes by E. Crakshaw. Boston, 1970.
22. Major Problems of the United States Foreign Policy 1954. Wisconsin, 1954.
23. Times. 1953. 9 March.

УЧАСТИЕ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА ФРГ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТАХ О ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ, ПОЛИТИКЕ РАЗРЯДКИ И РАЗОРУЖЕНИЯ (1969-1988гг.)

М.В.Стрелец
г. Брест, БГТУ

Советская историография считала, что позиция Христианско-социального союза ФРГ по вопросам, обозначенным в заголовке настоящего доклада, была контрпродуктивной. Объективному анализу этой позиции препятствовала идеологическая зашоренность. Она детально не исследовалась с точки зрения правовой корректности. Автор попытался с учётом новейших документов и материалов дать собственное прочтение данной позиции.

Касаясь хронологических рамок исследования, важно отметить следующий момент. После того, как первая фаза внешней политики ФРГ (1949-1959) характеризовалась проблемами координации западной и восточной политики, вторая фаза (1959-1969 гг.) - противоречиями между американской и европейской политикой, её третья фаза (1969-1988гг.) развивалась в период упорных внутриполитических дебатов о восточной политике, политике разрядки и разоружения [2, с. 383].

К рамочным условиям и детерминирующим факторам этих дискуссий принадлежали глубинные изменения международной системы, которые среди прочего выражались в сдвиге к равновесию военных и экономических сил; напаставании на противоречие между Западом и Востоком конфликта Север-Юг и в релятивировании идеологических противоречий благодаря регулирующей интересам кооперации [6, с.14].

Самой значительной характеристикой этих многогранных процессов было возрастающее ослабление США в ходе вьетнамской войны. «Чтобы застопорить потерю мощи Соединённых Штатов, которой противостояло сильное возрастание мощи советской стороны, администрация Никсона - Киссинджера попыталась обязать СССР посредством политики отставания к самоограничению. Одновременно собственная